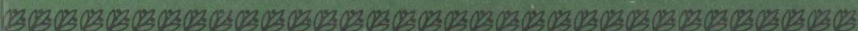

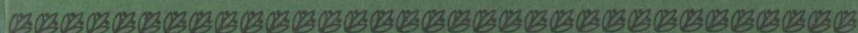
ИВО АНДРИЧ

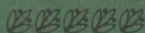
... человеческие лица для меня — самая яркая и самая притягательная часть окружающего мира. Я помню многие края и города и могу вызвать их в памяти, когда угодно и насколько угодно, но человеческие лица, которые я видел во сне или наяву, приходят сами по себе и стоят перед моим взором мучительно долго

или до боли мимолетно, живут рядом со мной... На них для меня начертаны все дороги мира, все помыслы и все дела, все желания и нужды, все возможности человека, все, что его поддерживает и возвышает, все, что его отравляет и убивает. Поодиночке или вереницей человеческие лица проходят перед мной.

...ЧЕЛОВЕКУ И ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

МОСКВА
РАДУГА

ИБ № 612

Редактор *Т. И. Харламова*. Художник *В. К. Бисенгалиев*. Художественный редактор *К. Ш. Баласанова*. Технический редактор *Е. В. Колчина*. Корректоры *Е. В. Рудницкая*, *В. Ф. Пестова*. Сдано в набор 06.05.82. Подписано в печать 01.02.83. Формат 84х108/32. Бумага офсетная. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная. Условн. печ. л. 26,88 + 0,84 печ. л. вклеек. Уч.-изд. л. 25,16. Тираж 20000 экз. Заказ № 631 Цена 1 р. 20 к. Изд. № 7

Издательство "Радуга" Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17

Отпечатано с пленок ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Москва, М-54, Валовая, 28. на Можайском полиграфкомбинате Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Можайск, 143200, ул. Мира, 93

**ИВО
АНДРИЧ**

~~~~~

**...ЧЕЛОВЕКУ
И ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ**

~~~~~

Составление и послесловие *Александра Романенко*
Перевод *Г. Галкиной, Р. Грецкой, Е. Михайлова, А. Романенко*
Комментарий *Г. Галкиной, А. Романенко*
Редактор *Т. Харламова*
Рецензент: *Н. Б. Яковлева, кандидат филологических наук*

Иво Андрич (1892—1975)— крупнейший югославский писатель, автор всемирно известных романов, повестей, рассказов. Лауреат Нобелевской премии. Его книги неоднократно издавались в Советском Союзе и приобрели широкую популярность среди читателей.

В предлагаемой книге впервые делается попытка в одном сборнике представить его литературно-критическое наследие, размышления, заметки о литературном мастерстве отечественных и зарубежных писателей, памятниках культуры, о роли литературы в жизни человека.

© Составление, перевод на русский язык, послесловие, комментарий
издательство «Радуга», 1983

А $\frac{4603000000-212}{030(01)-83}$ 82-83

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В настоящем издании собраны литературно-критические и публицистические статьи, рецензии, эссе и путевые очерки выдающегося югославского писателя, Героя Социалистического Труда СФРЮ, лауреата Нобелевской премии Иво Андрича (1892—1975). Мировую известность Андричу принесли его романы «Мост на Дрине», «Травницкая хроника», «Барышня», его повести и рассказы. Однако на протяжении всего своего творческого пути, более пяти десятилетий, с 1914 до середины 70-х гг., Андрич выступал и как своеобразный критик, исследователь литературы, историк, пристально вглядывавшийся и глубоко осмысливавший пути развития литературы и культуры своей страны. Его внимание привлекали прежде всего основоположники литературы югославских народов Вук Караджич и Петр Петрович-Негош, другие крупнейшие ее мастера: Петр Кочич, Борисав Станкович, Сима Матавуль, Антун Густав Матош и другие. Вместе с тем круг его литературных и эстетических интересов был очень широк. Ему принадлежат тонкие и глубокие эссе о Гойе, Уолте Уитмене, Байроне, Максиме Горьком и др. мастерах мировой культуры, заметки о художниках и скульпторах, о музыке. Значительную часть книги занимают его размышления о литературном труде, о профессиональном мастерстве писателя. В течение всей жизни Андрич записывал свои наблюдения, раздумья, делая своего рода художественно-публицистические и философские зарисовки. После его смерти они составили книгу «Знаки вдоль дороги», часть которой также вошла в настоящее издание. Наконец, особое место в творческом наследии писателя занимают его эссе-размышления о городах, которые он посетил, о культуре народов мира, о путях развития человека и человечества.

Эти материалы не являются литературоведческими статьями в строгом, традиционном смысле слова. Это

скорее искусство, нежели наука, однако их отличает абсолютная точность и выверенность фактов и выводов.

В основу расположения материала положен жанрово-хронологический принцип: первую часть составляют работы историко-литературного и очеркового плана, вторую — эссе и размышления о литературном труде. Однако провести между ними абсолютную грань очень трудно. Внутри разделов — материал дан в хронологическом порядке, что опять-таки в какой-то мере условно, ибо Андрич в разные периоды жизни возвращался к прежним темам, к личностям, о которых он уже писал, всякий раз рассматривая их в несколько ином аспекте, под новым углом зрения. Эта «цикличность» в известной степени сохранена в настоящем издании.

Литературно-критическое и публицистическое наследие Иво Андрича очень велико и даже у него на родине, в югославских собраниях сочинений собрано пока далеко не полностью. Однако публикуемые материалы, на наш взгляд, дают возможность представить себе систему эстетических взглядов, вкусов и пристрастий писателя. Значительная часть этих статей уже публиковалась в русском переводе — в журналах, газетах, сборниках избранных художественных произведений Андрича, однако многое печатается здесь впервые.

Издание подготовлено по собранию сочинений Иво Андрича в 17 тт. Ivo Andric. Sabrana djela. Dopunjeno izdanje. Sarajevo, 1981, тт. X, XII, XIII, XVI, XVII. В комментариях использованы биографическая канва и примечания, сопутствующие этому югославскому изданию, а также материалы советских литературоведов — исследователей творчества Андрича.

Часть первая

Старые по

(А. Ашкерц. Избранные стихотворения.
И. Деспот. На пахоте. Эротические стихи)

Старые добрые поэты, чьи имена в школьных учебниках! Как трудно нам их понимать!

Они были забавными людьми и обладали удивительными особенностями: с завидным терпением слагали слова в стихи и следили при этом—каково внимание и усердие!—чтобы стихи их заканчивались похожими словами. Они, должно быть, знали скрытую красоту рифмованной речи, ибо иначе непонятно, чтобы кто-то занимался столь неблагодарным делом—подстригать свои истины.

Старые добрые поэты, они еще заботились о публике и свои дни и ночи, свое счастье и свои страдания складывали—как в пестрые коробочки—в маленькие строчки с одинаковым числом слогов и чувством ритма, как это было записано в учебниках и подкреплено обычаями отцов. Из этих строчек мы узнаем, какие мысли возникали за бледным высоким челом (у старых поэтов всегда было высокое бледное чело) и какие желания были у этих добрых людей, и какие сомнения, и какие стремления, и какие боли.

Мы узнаем, как они любили женщину (старые добрые поэты всегда любят только одну женщину) и какие прекрасные намерения имели в отношении нее и ждали ее часто и долго на перекрестках, а она их—этакая бестия—жестоко мучила и в конце концов выходила замуж за торговца дровами или в лучшем случае за моряка-капитана. Однако они и дальше бы мокли под дождем по паркам и ждали напрасно, и колени бы у них подрагивали от неисполненных желаний.

Старые добрые поэты! Все-то у них было как бог велел: родню любили сильно, отечество сильнее, а человечество еще сильнее. В роду у них обычно кто-нибудь да выкинул номер—умер, и они теперь о нем писали жалостливые стихи: о цветах на могиле и о том, что все-то в жизни преходяще.

Об отечестве пели они, слушая звон цепей на его руках (у старых добрых поэтов отечество всегда было в оковах!), и грозно обстреливали его врагов стихами разного калибра, даже случалось—только это было давно,—что некоторые из них всерьез погибали во взаправдашнем бою за отечество.

Человечество они воспевали в длиннющих стихах—как то и подобает—и жаловались на беспорядки и тесноту на этой планете.

Были еще у них и сомнения: а все ли оно так, как тому учит религия, ах, они обладали мужеством критиковать систему; первой их мыслью была мысль об общей причине для всех разнообразных явлений, и был у них—в большинстве своем—специальный орган ощущения гармонии вообще и смысла и сверхзаданности всего сущего.

Однако кроме этих достоинств у старых добрых поэтов есть и два недостатка: *это—комментаторы*, которые, говоря безыскусно об искусстве, пишут ученые предисловия.

И *это—эпигоны*, которые пишут неграмотные стихи, издают их и продают по цене 1,40.

Наша литература и война

Не хочу быть пророком, однако ничуть не сомневаюсь, что после войны жизнь пойдет совсем по другим законам и в других формах. Солидарность и альтруизм заменят собою индивидуализм и сепаратизм. Фанфары призвуют всех людей на великий новый труд. А люди литературы, как всегда, будут впереди в вечной устремленности к вечным целям.

*Генри Натансен **

Говоря о литературе, я имею в виду лишь сербскохорватскую ее часть, да и то лишь в пределах монархии *.

Мы принадлежим к числу тех редких европейских народов, у которых так называемая военная литература почти отсутствует. Влияние войны на отечественную литературу, особенно в первые три года, было исключительно разрушительным. Это была пора, когда глубоко затаилась и умолкла душа народная, и вполне понятно, что исчезло и самое непосредственное ее выражение — литература. В те годы начался период истории, ужас и величие которого будут вдохновлять наших самых отдаленных потомков и давать им художественно-литературный материал для произведений непреходящей ценности, но мы, злосчастные его современники, которые на своих слабых плечах вынесли мрачное величие этой эпохи, были осуждены на молчание.

Не требовалось даже столько зла, сколько его было, чтобы разметать нас и привести в полное смятение. Дезорганизация литературы и писателей была лишь незначительной частью общей колоссальной дезорганизации всего народа. После стремительного обвала войны наш писатель оказался перед стихийной, почти все сметающей на своем пути силой, которая подчинила себе жизнь государств и огромных масс, и стоял один, беззащитный и покинутый.

Военная служба, политические преследования, нужда и тяготы военного времени парализовали писателей, лишили их сил и вдохновения и сделали любое творчество физически невозможным. Так получилось, что война не оставила почти никакого следа в современной отечественной литературе, но тем больший след она оставила у нас в душе. Там появились глубокие кровоточащие рубцы, и события недавнего времени ждут тех, кто сумеет придать

им форму и вдохнуть в них душу, и тогда они откроются взорам изумленного человечества в ореоле героизма. Мы не могли и не можем по сей день найти даже приблизительно верной и достойной формы, чтобы выразить все увиденное, услышанное и испытанное за последние годы, мы не можем писать обо всем том, что потрясало наши души и управляло жизнью в предвоенную и военную пору. Наша литература, которая всегда была носителем свободолобивых идей, и на этот раз осталась верной себе; она молчала, но не изменила себе. С этой точки зрения можно считать большим достоинством нашей культурной и народной жизни то, что литература убереглась от «военных тем». Наше молчание—самое лучшее и самое достойное выражение определенного умонастроения.

Гонимые ужасным вихрем, который мы не вызывали, раненные событиями, мы обладали по крайней мере одним преимуществом: лишены свободы выбора и выражения, мы вместе с тем были лишены какой бы то ни было возможности ошибиться. Именно из-за нашего подчиненного в войне положения нам остался неведом тип певца слепой ненависти и эфемерных недостойных страстей, тогда как у гораздо больших и более культурных народов как раз оголтелые «герои фразы» долгое время определяли движение литератур, унижая искусство и низводя его до уровня служанки низменных инстинктов толпы*. Сербскохорватская литература в первые годы войны молчала, и это лучшее и красноречивейшее доказательство ее здоровой нравственной структуры, ибо если нам и нечего показать будущему, то, во всяком случае, нам нечего стыдиться.

* * *

Однако война с течением времени начала приобретать неожиданные формы и, что самое главное, неожиданную длительность. Подавленные силы народные стали возрождаться и пробуждаться, вызывая мысль о том, что следует приступить к обновлению общественной жизни, не ожидая конца войны; с этим пробуждением связано и постепенное пробуждение литературы.

Наша интеллигенция, растерянная и смятенная, лишенная всякой общественной жизни и деятельности, как никогда прежде, радостно приветствовала любое литературное движение, смутно видя в нем, должно быть, признак всеобщего воскрешения. Эвакуация, армейская жизнь, множество поездов, военные события и великие

социальные движения пробуждали интерес к литературе и в самых широких слоях населения; стали читать больше, чем когда-либо в мирное время, о чем лучше всего свидетельствует бурный рост переводной литературы. Книжные лавки и частные лица, почувствовав конъюнктуру, начали выпускать переводы, нередко без всякого порядка и отбора, соперничая лишь в том, как бы поскорее и половчее выбросить их на рынок. И тиражи оригинальных книг в минувшем году достигли неслыханных размеров. Таким образом, война, вначале заставившая умолкнуть нашу литературу, теперь побуждала ее к развитию и движению вперед.

Однако, отмечая несомненный фактический рост литературы и литературной продукции в последнее время, гораздо важнее оценить художественные достоинства, равно как социальное значение и условия бытования нашей новейшей литературы.

Нынешняя наша литература и ее создатели находятся в невыносимо тяжелом положении, как всегда бывает в годину великих кризисов и перестроек. Нечего и говорить о материальных условиях творчества, которые, как известно, крайне неблагоприятны*. Коснусь лишь тяжелого морального *circulus vitiosus*¹, в котором находится сегодня наш писатель: с одной стороны, мы хорошо чувствуем, насколько все переменялось за годы страданий—во всем человечестве и в каждом человеке отдельно, а с другой стороны, время и обстоятельства, нас окружающие, не позволяют все это выразить; у нас по-прежнему связаны руки и замкнуты уста, хотя это и не мешает осознавать, насколько бедна и поверхностна довоенная так называемая литература, как незначительны и мелки ее мотивы и мотивчики; мы все видим собственными глазами—и в этом единственная польза от войны,—что многие шумные истины мирного времени превратились в ложь и вызывает иная жизнь и иная литература.

Веления принужденной к молчанию совести, страдания и пробужденная энергия, всколыхнувшаяся чувствительность предъявляют в наши дни к литературе большие требования, а приведенные выше причины препятствуют какому бы то ни было ее взлету. И потому читателю, который собственными глазами пятый год видит этот ужас на земле, наша литература может показаться чем-то бледным и неискренним, где он не может обнаружить и следа величия и кошмара прошедших дней.

¹ Замкнутый круг (лат.).

С другой стороны, требовать от нынешних писателей цельного художественного изображения нашего времени было бы столь же неправомерно, как требовать, например, от геолога, чтобы во время сильного землетрясения он дал научные данные о его значении, направлении и причинах, хотя толчки еще продолжают. Эпоха всей своей тяжестью лежит на нас. Мы по-прежнему больны и далеки от того, чтобы ставить диагноз и анализировать причины своей болезни.

Таким образом, вся нынешняя отечественная литература приобретает незавидную форму переходного явления; сегодня она не что иное, как темный вход в светлые просторы. На нашей литературе, как и на всей жизни, лежит тень тягостного ожидания.

* * *

Война даже тем, кто прежде не хотел этого видеть, показала, как прочно связаны мы со своей страной, как велика наша ответственность и перед теми, кто давно умер, и перед теми, кто еще не родился. Война передвинула акцент с индивидуального на общее. Чем больше отдавала борьбе личность, тем больше приобретало общество. Вот каковы истоки главного направления нашей нынешней литературы.

Почти полностью лишённые возможности спокойно отдаться продолжительному и глубокому творчеству и поставленные — каждый в отдельности — в тяжелое и горькое положение, наши писатели стоят перед великой задачей, которая приобретает смысл завета и решение которой достаточно, для того, чтобы заполнить собой эпоху. Главная задача сегодняшней литературы заключается в том, чтобы сохранить преемственность ранее существовавшей духовной жизни, спасти идеалы своей молодости, которые уже становятся идеалами всего народа, и пронести их через зло и страдания в лучшие дни.

И коль скоро нынешние писатели сумеют сохранить потаенный огонь духовной жизни, и до войны находившейся на верном пути, коль скоро они сумеют сохранить свободной и чистой тропу для более счастливых и более значительных художников, тогда и выполняют они свою нелегкую и самоотверженную задачу, тогда и обогатят нашу историю, если не великими произведениями, то, во всяком случае, высокой красотой самопожертвования.

Письма одного солдата

Lettres d'un soldat, M. Rascher, Zürich, 1918

С любопытством и сомнением открывал я уже многие книги о войне и обычно закрывал их с холодным сердцем и пустотой или отвращением в душе.

После романа «Огонь» Анри Барбюса (Le feu, journal d'une escouade, Paris, E. Flammarion, 1916) это первая книга о войне, в которой я узнал искаженное лицо и милосердно умоляющую душу человека того времени. Если Барбюс своим «Огнем» создал отличный реалистический роман с очевидной (под конец даже слишком подчеркнутой) социалистической и пацифистской тенденцией, то «Письма одного солдата» не что иное, как вопль, молитва и исповедь души художника, которая мучается, разрывается на части и наконец погибает под грузом жизни и войны, ею принесенной.

Не знаю, является ли это обычной литературной мистификацией или подлинным документом, но в предисловии (которое написал Андре Шеврийон*) говорится, что эти письма посылал матери молодой парижский художник, пропавший без вести во время боев в арагонском лесу; имени художника автор предисловия не называет.

Книга эта одна из тех, столь редких в наше время книг, которая утешает, ободряет и освещает путь, по которому нас несет, подобно «соломинке на ветру».

Молодого художника ожидало иное призвание и лучшая доля, однако после недолгого и мучительного обучения в конце августа 1914 года он был отправлен на фронт, и там в его душе формируются те сила и величие, какие только и могут противостоять судьбе.

«Дорогая моя, милая мама, я хочу рассказать Тебе о доброте господней и об ужасе на земле» (после ожесточенного боя).

«Ты не можешь даже представить себе, что способен сделать человек человеку».